

МОЯ ПЯТАЯ ЖИЗНЬ

ВЕРОНИКА ДИКАЯ

Вероника Дикая

Моя пятая жизнь

«Автор»

2026

Дикая В.

Моя пятая жизнь / В. Дикая — «Автор», 2026

Четыре жизней научили меня главному: хорошее воспитание от смерти не спасает. Ни послушание, ни безупречная репутация, ни попытки изменить будущее не помогли мне избежать печального конца. На этот раз я решила действовать иначе — и стала невестой принца Лианора. Наш уговор прост: фиктивная помолвка, отдельное поместье и свобода заниматься своими делами. Мне нужна возможность разгадать тайну собственных возвращений. Что нужно принцу — вопрос, на который он почему-то не торопится отвечать. Зато охотно напоминает о предстоящей свадьбе, слишком внимательно следит за мной и совершенно не умеет держать положенную фиктивному жениху дистанцию. Я собиралась изучать лекарственные растения Каймарка, а не привыкать к его улыбке. Но местный целитель уже заметил странность в моей магии, Лианор явно знает больше, чем говорит, а наше притворство становится опасно убедительным. В этот раз я намерена выжить. Желательно — не влюбившись в мужчину, которому пока не могу доверять.

© Дикая В., 2026

© Автор, 2026

Вероника Дикая

Моя пятая жизнь

Глава 1

— Валирия Эльдриган, я, принц Нортал Горддридж, перед лицом королевского двора объявляю о расторжении нашей помолвки. Твоё недостойное поведение, высокомерие и жестокость по отношению к леди Селестине не позволяют мне видеть в тебе будущую супругу и принцессу королевства...

И дальше всё то же самое.

Бла-бла-бла.

Эту речь я знала наизусть. Каждое слово, каждую паузу, каждый исполненный праведного негодования вздох. Я могла безошибочно угадать, когда Нортал нахмурит свои безупречные тёмные брови, когда сожмёт пальцы на эфесе церемониальной шпаги, а когда бросит полный нежности взгляд на хрупкую девушку, спрятавшуюся за его плечом.

Я слышала эту речь уже в пятый раз.

Когда-то первые его слова были подобны удару кинжала. Теперь же они напоминали надоедливую песенку, которую слишком часто играли уличные музыканты. От неё сердце больше не сжималось от боли, слёзы не подкатывали к глазам, а голос не норовил предательски задрожать от переполнявших меня чувств.

В огромном бальном зале царил почти благоговейная тишина. Даже оркестр замер, оборвав мелодию на полутакте. В свете сотен свечей хрустальные подвески люстр сверкали холодными гранями, бросая разноцветные блики на позолоченную лепнину и гладкий мраморный пол. Придворные, приближённые королевской семьи и представители древнейших аристократических родов слушали принца, затаив дыхание. Никто не хотел пропустить ни единого слова. Всё-таки не каждый день наследник престола публично разрывает помолвку с дочерью одного из самых влиятельных герцогских домов.

Дамы прятали довольные улыбки за кружевными веерами. Мужчины сохраняли бесстрастные лица, хотя в их глазах горел живой интерес. Кто-то уже наверняка подсчитывал, как падение семьи Эльдриган изменит расстановку сил при дворе. Кто-то мысленно сочинял новую версию произошедшего, которую можно будет пересказать за утренним чаем. А кто-то просто наслаждался чужим унижением, радуясь, что сегодня в центре всеобщего внимания оказался не он.

Я же стояла под десятками жадных взглядов и со скукой смотрела в высокое окно.

За стеклом где-то вдали мерцали городские огни, обещая свободу, шумные улицы и множество дорог, по которым я ещё не успела пройти в этой жизни.

«И чем бы мне теперь заняться?» — лениво размышляла я, пропуская мимо ушей очередное обвинение.

Можно было заняться торговлей. В третьей жизни у меня неплохо получалось вести счета и заключать сделки. Или открыть небольшую гостиницу у моря — в четвёртой жизни я часто мечтала о месте, где пахло бы солью, свежим хлебом и травяным чаем. А может, стоило наконец отправиться путешествовать? Пятый раз проживать одну и ту же молодость было утомительно, зато накопленный опыт открывал удивительное количество возможностей.

Главное — на этот раз не повторить ошибок первой жизни.

Тогда я ещё была наивной девушкой, искренне верившей, что родители непременно защитят свою единственную дочь. Мне казалось, что достаточно вернуться домой, переступить порог родового поместья и броситься в объятия матери — и всё снова станет хорошо. Отец

разгневаются, потребует объяснений, а затем непременно найдёт способ восстановить моё доброе имя.

Однако после объявления о разрыве помолвки родители меня не приняли.

Карета, в которой я покинула королевский дворец, остановилась перед высокими коваными воротами нашего столичного особняка. Я помнила тот день до мельчайших подробностей: тяжёлое серое небо, пронизывающий ветер и мелкий дождь, похожий на ледяную пыль. На мне всё ещё было бальное платье — слишком тонкое и открытое для такой погоды. Подол промок и испачкался в дорожной грязи, украшенные вышивкой туфли быстро начали пропускать воду, а пальцы онемели от холода.

Я снова и снова стучала в ворота, звала привратника, просила передать родителям, что я вернулась. За оградой горели тёплые огни. В окнах виднелись смутные тени слуг, но никто не спешил впустить меня внутрь.

Сначала я не могла поверить в происходящее. Затем начала плакать. Я сидела прямо на мокрой земле возле ворот и рыдала, не зная, куда идти и что делать дальше. В одно мгновение я лишилась жениха, положения в обществе, семьи и дома. Будущее, которое ещё утром казалось ясным и незыблемым, рассыпалось на осколки.

Отец всё-таки вышел ко мне.

На краткий миг я подумала, что он не выдержал и решил простить меня. Я поднялась ему навстречу, цепляясь за эту надежду как утопающий за протянутую руку. Но отец даже не открыл ворота. Он остался по другую сторону кованой ограды и смотрел на меня так, словно перед ним стояла не дочь, а назойливая попрошайка.

— Уходи — произнёс он холодно — Ты опозорила наше имя. У меня больше нет дочери. Эти слова ранили сильнее, чем публичное отречение Нортала.

Я умоляла отца выслушать меня, пыталась объяснить, что обвинения были ложью, но он лишь велел страже прогнать меня. Один из стражников неловко отвёл взгляд, другой сухо повторил приказ хозяина. И я ушла.

Долго брела по бесконечным городским переулкам, не разбирая дороги. В тех кварталах никто не интересовался ни моим именем, ни происхождением. Там не знали Валирию Эльдриган — бывшую невесту наследного принца. Прохожие видели лишь растерянную девушку в испорченном дорогом платье. Одни торопливо проходили мимо, другие бросали любопытные взгляды, а третьи усмехались, принимая меня за сбегавшую любовницу какого-нибудь богача.

Каждый мой шаг отдавался гулким эхом между каменными стенами. Улицы становились всё уже и темнее. Из щелей между домами тянуло сыростью, возле сточных канав копошились крысы, а холодный ветер легко проникал сквозь тонкую ткань платья. Я не ела с самого утра. Голод болезненными спазмами скручивал живот, ноги дрожали от усталости, а промокшие волосы липли к лицу.

Именно тогда, в одном из безымянных переулков, я столкнулась с милой старушкой.

Она выглядела настолько неуместно среди грязных стен и разбитой мостовой, что поначалу мне показалось, будто передо мной возникло видение. На женщине был дорогой кашемировый плащ глубокого винного цвета, отделанный мягким мехом. В мочках её ушей сверкали крупные бриллианты, а унизанные перстнями пальцы уверенно сжимали трость с массивным золотым набалдашником в виде львиной головы. Седые волосы старушки были аккуратно уложены, спина оставалась прямой, а в ясных серых глазах светились живой ум и проницательность.

Она окинула меня внимательным взглядом — от растрёпанных волос до перепачканного подола, — но в её лице не было ни презрения, ни жалости.

— Ты умеешь работать, девочка? — спросила она.

От холода у меня стучали зубы, а от голода темнело в глазах, но я всё же заставила себя выпрямиться.

— Научусь — ответила я.

Старушка несколько мгновений молча изучала меня, а затем удовлетворённо кивнула.

— Хороший ответ. Идём.

Так госпожа Агнесса пригласила меня в свой дом. Она подарила мне не только тёплую комнату и горячую еду, но и работу — возможность снова стать частью жизни, вернуть себе чувство собственного достоинства и начать мечтать о будущем, которое ещё можно было построить.

Я стала её личной горничной.

И именно тогда впервые поняла: разрыв помолвки был не концом моей жизни.

Он был её началом.

Здесь я нашла не только пищу для тела, но и пищу для духа. В доме госпожи Стредвиг меня впервые окружили доверием, спокойствием и той почти незаметной заботой, которую раньше я принимала за нечто само собой разумеющееся. Никто не кричал на меня из-за случайно разбитой чашки, не попрекал куском хлеба и не напоминал при каждом удобном случае, что я обязана быть благодарной за своё существование. От меня требовали честности, аккуратности и усердия, но никогда — унижительной покорности.

Поначалу я испуганно вздрагивала, когда госпожа звала меня по имени, и всякий раз ожидала выговора. Однако вместо наказаний она поручала мне всё более важные дела: разобрать письма, проверить счета у поставщиков, подготовить одежду к приёму гостей или проследить, чтобы в её дорожные сундуки не забыли положить лекарства. Постепенно я поняла, что она действительно доверяет мне, а не просто испытывает, выжидая подходящего момента, чтобы выставить за дверь.

У меня появились и маленькие радости, из которых незаметно складывалось настоящее счастье. Горячий чай с мёдом после долгого дня. Запах свежего хлеба, доносившийся из кухни ранним утром. Тихие разговоры с другими слугами у очага. Новая лента для волос, подаренная экономкой на зимний праздник. Возможность спать в собственной комнате, пусть совсем небольшой, но тёплой и чистой. Даже стук дождя по крыше казался уютным, потому что теперь мне не приходилось думать, где укрыться от непогоды.

Госпожа Стредвиг позволяла мне брать книги из своей библиотеки. Сначала я выбирала простые романы, а затем перешла к истории, географии и торговому делу. По вечерам я медленно водила пальцем по строчкам, разбирала незнакомые слова и старательно переписывала их в старую тетрадь. Иногда хозяйка замечала меня за чтением и задавала вопросы, заставляя не просто повторять написанное, а рассуждать. Благодаря ей я училась смотреть на мир шире той крошечной вселенной, в которой прежде существовала. Оказалось, что за пределами столицы лежат другие королевства, шумят моря, тянутся караванные пути и живут люди, совершенно не похожие на тех аристократов, среди которых я выросла.

Рядом с госпожой Стредвиг я снова научилась мечтать. Мне хотелось накопить денег, получить образование и однажды открыть собственное небольшое дело. Впервые моё будущее зависело не от выгодной помолвки, фамилии отца или чужой милости. Оно принадлежало мне — по крайней мере, тогда я в это верила.

Так прошла моя первая жизнь. Она была недолгой, но по-своему счастливой. И оборвалась, когда мне исполнился двадцать один год.

Вторая жизнь встретила меня не болью, а растерянностью.

Очнувшись после очередного разрыва помолвки, я долго стояла посреди бального зала, пытаясь осознать, что всё началось заново. Те же лица, те же перешёптывания за раскрытыми веерами, те же сочувственные и злорадные взгляды. Только я была уже другой. В моей памяти сохранились годы, проведённые в доме госпожи Стредвиг, прочитанные книги, тёплые вечера у очага и горькое знание о том, что эта жизнь тоже может оборваться слишком рано.

В родительский особняк я даже не поехала. Пока я пыталась прийти в себя и собрать осколки новой реальности в нечто осмысленное, папенька и маменька уже покинули бал.

Без меня.

Когда один из лакеев неохотно сообщил об их отъезде, я лишь коротко рассмеялась. В прошлой жизни эта новость разбила мне сердце. Теперь же она всего лишь подтвердила то, что я давно знала: у ворот родительского дома меня никто не ждал. Возвращаться туда, чтобы снова сидеть на холодной земле, плакать и униженно просить впустить меня, я не собиралась.

Я сняла неудобные бальные перчатки, подхватила тяжёлые юбки и направилась прочь от дворца. Музыка за моей спиной зазвучала вновь, словно никакой Валирии Эльдриган никогда не существовало. Через несколько минут обо мне будут сплетничать, через день найдут новую тему для разговоров, а спустя неделю моё имя станет лишь предостережением для других молодых аристократок.

Я шла по длинной аллее, слушая сухой стук каблучков по камню. Ночной ветер путался в волосах и шептал старые истории в кронах деревьев. Фонари вдоль дороги дрожали тусклыми золотистыми огнями, выхватывая из темноты мокрую листву и белые статуи. Я надеялась вновь встретить госпожу Стредвиг. Мне казалось, судьба должна повториться в точности: тот же переулок, та же представительная старушка с тростью, тот же вопрос о том, умею ли я работать.

Но госпожа Стредвиг так и не появилась.

Вместо неё на рассвете мне встретился торговый караван. Десяток тяжело нагруженных повозок медленно двигался по дороге, поскрипывая колёсами. Лошади устало фыркали, погонщики перекрикивались, а вооружённые охранники настороженно всматривались в заросли по обе стороны пути. Воздух был пропитан запахами пыли, кожи, пряностей и мокрой шерсти.

Я отошла к обочине, пропуская караван, и невольно принялась рассматривать товары. Из-под натянутых полотнищ выглядывали сундуки с редкими тканями: тончайшим шёлком, узорчатой парчой и полупрозрачным полотном, которое в столице ценилось почти на вес золота. В открытых ящиках лежали заморские наряды непривычного покроя, янтарные бусы и изящные заколки, украшенные драгоценными камнями. Другие повозки везли мешки с пряностями, бочонки с маслами и тщательно упакованную посуду.

В первой жизни я многому научилась, помогая госпоже Стредвиг вести домашние счета. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: караван богатый, хорошо охраняемый и направляется издалека. А ещё я заметила, что среди торговцев есть женщины, значит, моё присутствие не станет непреодолимой помехой.

Терять мне всё равно было нечего.

Я остановила главную повозку и попросила разговора с хозяином каравана. Купец — широкоплечий мужчина с густой седеющей бородой — оглядел моё бальное платье, растрёпанные волосы и испачканные дорожной пылью туфли. В его глазах промелькнуло подозрение.

— Сбежавшая невеста? — спросил он.

— Бывшая невеста — поправила я — И мне нужно покинуть столицу.

В обмен на место в караване я предложила драгоценности, которые были на мне: серьги с сапфирами, жемчужное ожерелье, несколько золотых браслетов и фамильное кольцо. Купец долго проверял камни, подносил их к свету и что-то подсчитывал в уме. Он наверняка собирался назвать цену втрое ниже настоящей, но годы работы со счетами не прошли даром. Я спокойно перечислила примерную стоимость каждого украшения и потребовала не только довезти меня до ближайшего крупного города, но и вернуть разницу деньгами.

Торговец расхохотался.

— А ты не так беспомощна, как выглядишь. Может и поработать у нас захочешь?

А я подумала почему бы и нет.

Так началась моя вторая жизнь.

Сначала я выполняла самую простую работу: вела записи, пересчитывала товар, следила за припасами и помогала готовить повозки к отправлению. Потом стала участвовать в переговорах. Я быстро научилась различать сорта тканей на ощупь, определять качество жемчуга по блеску и узнавать поддельный янтарь. Я запоминала, где дешевле покупать специи, в каких городах особенно ценят северные меха и какие украшения войдут в моду при королевском дворе в следующем сезоне.

Дорога стала моим домом. Я видела шумные приморские города, где над пристанями кричали чайки, пересекала бескрайние равнины и ночевала под звёздами, казавшимися вдали от столицы особенно яркими. Я научилась торговаться на нескольких языках, понимать людей по жестам и улыбкам, не доверять слишком выгодным предложениям и всегда иметь запасной путь для отступления.

Со временем у меня появились собственные деньги, связи и небольшая доля в общем товаре. Я больше не была отвергнутой аристократкой, обречённой просить милостыню у ворот родного дома. Моё имя знали купцы, ремесленники и владельцы постоялых дворов. Я сама выбирала, куда отправиться, что купить и кому продать. Впервые я почувствовала вкус настоящей свободы — терпкий, опасный и пьянящий.

Но и эта жизнь оказалась недолгой.

Я снова умерла в двадцать один год.

Третью жизнь я решила начать иначе. На этот раз я не стала ждать, пока родители уедут из особняка и оставят меня одну. Едва покинув бал, я поспешила в родительский дом, поднялась в свою прежнюю комнату и забрала всё, что действительно принадлежало мне: серьги, ожерелья, браслеты, кольца и украшенные драгоценными камнями заколки. Даже в прошлой жизни я не решилась прикоснуться к этим вещам, всё ещё считая их частью семьи, которая так легко от меня отказалась. Теперь же прекрасно понимала: если не заберу их сейчас, то больше никогда не переступлю порог этого дома.

Я сложила драгоценности в небольшую шкатулку и отнесла в ломбард на другом конце столицы, где меня не могли узнать. Хозяин заведения долго рассматривал камни через увеличительное стекло, проверял золото и старательно скрывал жадный блеск в глазах. Он заплатил мне гораздо меньше настоящей стоимости украшений, однако полученных монет оказалось достаточно, чтобы начать новую жизнь. Я купила удобную дорожную одежду, крепкие сапоги, сумку с самым необходимым и в тот же день покинула столицу.

После странствий во второй жизни дороги больше не пугали меня. Я уже знала, как выбирать надёжные постоялые дворы, где искать попутчиков и каким торговцам можно доверять. Но в этот раз меня не интересовали ни редкие ткани, ни драгоценные камни, ни заморские товары. Я решила, что буду путешествовать ради самого путешествия. Мне хотелось увидеть мир без расчётов и обязательств, пройти по неизвестным тропам, побывать в местах, до которых прежде не успела добраться, и хотя бы ненадолго забыть о смерти, неизменно ожидавшей меня в двадцать один год.

Почти полгода я переезжала из города в город. Видела туманные горные долины, зелёные равнины, покрытые цветущими травами, и небольшие селения, затерянные среди вековых лесов. Я никуда не торопилась, подолгу задерживалась там, где мне нравилось, разговаривала с местными жителями и постепенно начинала верить, что на этот раз судьба приготовила для меня нечто особенное.

Именно тогда я встретила господина Зульманда — известного медика и травника, о котором рассказывали удивительные истории. Говорили, что он способен распознать редкую болезнь по одному взгляду на пациента, а в лесах находит целебные растения даже среди зимы. Наша встреча произошла совершенно случайно. На одном из постоялых дворов заболел ребёнок хозяина, и среди ночи туда привели пожилого мужчину в потёртом дорожном плаще, с тяжёлой сумкой через плечо. Пока остальные в растерянности толпились у дверей, я помогала

ему кипятить воду, растирала травы и выполняла короткие указания. Ребёнка удалось спасти, а утром Зульманд неожиданно предложил мне отправиться вместе с ним.

Так я стала его ученицей.

Обучение оказалось гораздо труднее, чем я представляла. Мне приходилось запоминать сотни названий растений, различать почти одинаковые листья и корни, знать время сбора каждой травы и понимать, какая её часть обладает целебными свойствами. Некоторые растения могли спасти человека, но при неправильной дозировке превращались в смертельный яд. Господин Зульманд не прощал невнимательности. Он заставлял меня переписывать рецепты, пока я не запоминала их наизусть, брал с собой в леса и болота, учил определять болезни по дыханию, температуре, цвету кожи и едва заметным изменениям в поведении больного.

Постепенно я научилась накладывать повязки, вправлять вывихи, останавливать кровотечения и готовить отвары, мази и настойки. Мы посещали богатые поместья и бедные деревни, помогали знатым дамам, ремесленникам, крестьянам и беспризорным детям. Болезнь не обращала внимания на титулы, происхождение и количество монет в кошельке. Перед ней все люди становились одинаково беспомощными, и потому Зульманд никогда не отказывал тому, кто действительно нуждался в помощи.

Чем больше я училась, тем сильнее меня увлекала медицина. Я проводила долгие часы над старыми трактатами, сравнивала рецепты разных народов, меняла пропорции настоек и наблюдала за результатами. Иногда мои опыты заканчивались лишь испорченными травами и вьевшимся в одежду горьким запахом. Но случались и настоящие открытия. Мне удалось создать жаропонижающий отвар, который действовал мягче известных средств, а позднее — мазь, ускорявшую заживление глубоких ран. Каждая спасённая жизнь давала мне ощущение, какого я не испытывала прежде. Теперь мои знания могли не просто обеспечить мне достаток или свободу — они помогали людям.

В последний год третьей жизни я открыла собственную лекарскую лавку. Она была небольшой: всего две комнаты на первом этаже старого дома, деревянная вывеска над входом и узкое окно, за которым я расставляла цветные флаконы. Внутри от пола до потолка тянулись полки с банками, мешочками сушёных трав и склянками. Под потолком висели связки мяты, зверобоя, полыни и лаванды, поэтому в помещении всегда стоял густой, немного горьковатый аромат.

Сначала посетителей было мало. Люди с недоверием относились к молодой лекарке, появившейся неизвестно откуда. Но постепенно молва о моих снадобьях распространилась по городу. Ко мне начали приходить матери с больными детьми, старики с ломотой в суставах, ремесленники с ожогами и путешественники, которым требовалось собрать дорожную аптечку. Я принимала пациентов, готовила лекарства и продолжала исследования, надеясь однажды написать собственный труд о целебных растениях.

Так я связала свою третью жизнь с медициной. Она была наполнена знаниями, открытиями и тихой радостью от осознания, что благодаря мне кому-то становилось легче. И всё же, сколько бы болезней я ни научилась лечить, отведённый мне срок изменить не удалось.

Я снова умерла в двадцать один год.

В четвёртой жизни я решила больше не убегать и не надеяться, что судьба обойдёт меня стороной. Трижды я начинала всё заново, трижды выбирала разные дороги — и всякий раз погибала в одном и том же возрасте. Значит, мне требовалось не прятаться от смерти, а научиться смотреть ей в лицо.

Поэтому я остригла волосы, спрятала фигуру под плотной одеждой и назвалась мужским именем. Под видом юноши из обедневшей семьи я поступила на военную службу. Мне казалось, что оружие подарит мне защиту, которой так не хватало в прошлых жизнях. Если я научусь владеть мечом, стрелять из лука и сражаться, то сумею постоять за себя, когда судьба вновь придёт за мной.

Первые месяцы едва меня не сломали. Тело не было привычно к тяжёлым тренировкам: ладони покрывались мозолями, мышцы горели от усталости, а после учебных поединков я возвращалась в казарму в синяках. Мне приходилось постоянно следить за голосом, жестами и каждым движением, чтобы никто не догадался, кто я на самом деле. Я старалась держаться в стороне от остальных, переодевалась только в одиночестве и спала чутко, просыпаясь от любого шороха.

Но со временем страх отступил. Я научилась уверенно держаться в седле, обращаться с коротким мечом и копьём, метко стрелять и сохранять хладнокровие даже тогда, когда всё шло не по плану. Военное дело требовало не только силы. Нужно было понимать местность, замечать опасность, действовать вместе с товарищами и принимать решения за считанные мгновения. Впервые за четыре жизни я почувствовала себя по-настоящему способной защитить собственное будущее.

Однако именно тогда я наконец узнала правду, которая связала воедино все мои прежние смерти.

На нашу империю напал правитель соседнего государства Каймарк — император Лианор Вальдек. Услышав его имя, я вспомнила события прошлых жизней. В первый раз его наступление настигло земли, где я обрела новый дом. Во второй — его армия появилась на торговых путях, по которым двигался наш караван. В третьей жизни война добралась до города, где находилась моя лекарская лавка. Я погибала в разных местах и при разных обстоятельствах, поэтому прежде не замечала связи. Но причиной каждый раз становился один и тот же человек.

Лианор Вальдек неизменно начинал завоевание соседних земель примерно через три года после моего возвращения в прошлое. Государства одно за другим теряли независимость, города пустели, дороги становились опасными, а люди бросали дома в поисках спасения. Куда бы я ни отправилась и какую бы судьбу ни выбрала, рано или поздно волна его завоеваний настигала и меня.

В четвёртой жизни мне поручили защищать границы владений храма святой девы Лиары. Этот древний храм стоял среди белых скал и служил убежищем для жителей окрестных поселений. За его стенами прятались семьи, старики и дети, надеявшиеся, что священное место сумеет их защитить. Отступить означало оставить их без помощи, поэтому мы остались.

Именно там я впервые увидела Лианора Вальдека своими глазами.

Он оказался не чудовищем из страшных сказок, а человеком — пугающе спокойным, уверенным и холодным. Среди всеобщего хаоса он держался так, словно заранее знал исход каждого события. Его взгляд не выражал ни ярости, ни сомнений. Для него захваченные земли и сломанные судьбы были лишь ступенями на пути к очередной цели.

Наша встреча продлилась всего несколько мгновений. Я не успела ни спросить, зачем ему понадобилось подчинять себе столько государств, ни рассказать, что уже трижды погибала из-за его решений. В тот день, у стен храма святой девы Лиары, Лианор Вальдек собственноручно оборвал мою четвёртую жизнь.

Мне снова был двадцать один год.

В каждой из своих жизней я находила новый смысл. Я узнала, что такое забота и доверие, почувствовала свободу бесконечной дороги, научилась спасать людей и обрела силу, которой прежде во мне не было. Я никогда не считала прожитые годы напрасными. Каждая жизнь дарила мне встречи, знания и радости, которые оставались со мной даже после смерти.

Вот только все они заканчивались одинаково.

Теперь я проживаю свою пятую жизнь.

На этот раз я не собираюсь искать приключения, совершать великие открытия или доказывать кому-либо свою храбрость. Я не хочу становиться ни торговкой, ни лекаркой, ни воином. У меня осталось лишь одно, на первый взгляд скромное желание: провести эту жизнь спокойно и беззаботно, вдали от чужих амбиций и опасностей.

А главное — впервые дожить до двадцати двух лет.